

Всю дорогу они молчали. Цзинь Гуанъяо, лежа на спине Лань Сичэня, украдкой наблюдал за ним при лунном свете. Лунный свет был холодным, но профиль Лань Сичэня казался таким тёплым. Глядя на него, Цзинь Гуанъяо почувствовал невероятное спокойствие, и уголки его губ непроизвольно приподнялись. Лань Сичэнь шёл уверенно и быстро, несмотря на то что на его спине был человек весом более ста двадцати цзиней. Его взгляд был устремлён прямо перед собой, и только когда он услышал ровное дыхание спящего, он обернулся. Его голубые глаза наполнились нежностью и теплотой. Он слегка наклонил голову, и его губы едва коснулись белого лба Цзинь Гуанъяо. Тёплое дыхание последнего мягко касалось его шеи, и глаза Лань Сичэня слегка дрогнули, в них появилось что-то невысказанное.

Ночь была глубока, звёзды усеяли небо. Летняя ночь не была холодной. После того как Цзинь Гуанъяо крепко уснул, Лань Сичэнь взлетел на мече и отправился в клан Се. Всю дорогу Цзинь Гуанъяо спал так крепко, что даже не подавал признаков пробуждения. Лань Сичэнь принёс его в дом, уложил на кровать, снял с него одежду и накрыл одеялом, но тот так и не проснулся.

Лань Сичэнь вошёл в дом клана Се, не потревожив никого, и тихо устроил всё. После того как он всё уладил, он вернулся в Гусу.

На следующий день в клане Се никто не знал, что Цзинь Гуанъяо вернулся, пока служанка, убирающая комнаты, не зашла в его покои и не увидела его спящим на кровати. Только тогда все узнали.

Крик служанки разбудил Цзинь Гуанъяо, который в полусне огляделся вокруг и с удивлением понял, что он вернулся. Не только служанка была поражена, но и он сам.

После этого последовал строгий выговор от старого главы клана. Цзинь Гуанъяо с трудом сдерживался, чтобы не спросить, как погибла семья Шэнь Цзиня, и просто молча слушал наставления.

В конце старый глава, глядя на молчаливого Цзинь Гуанъяо, с сожалением сказал:

— В этом мире нет ничего совершенного. Есть старая поговорка: простолюдин не виновен, но драгоценность в его руках делает его преступником. Вэньяо, я делаю это для твоего же блага. Ты должен понимать, что ты несешь на своих плечах. Я не хочу, чтобы ты стал великим героем, я предпочёл бы, чтобы ты оставался в тени, но был в безопасности. Если эта вещь появится, мир совершенствующихся больше не будет спокойным. Ты понимаешь?

Цзинь Гуанъяо не понимал, совсем не понимал, но на словах согласился:

— Вэньяо понял.

С тех пор он заперся в задних горах и не выходил полгода. Никто не знал, чем он занимался там. Старый глава клана запретил кому-либо беспокоить его. Яньер каждый раз просто оставляла еду у двери и уходила, так и не увидев его.

Цзинь Гуанъяо, запершись в комнате, ежедневно занимался культивацией демонической ци. Он проглотил семнадцать потоков демонической ци из тела Цзинь Линя и три из тела Се Жуянь. Двадцать потоков демонической ци бушевали внутри него, ударяя по всем меридианам, и его тело словно готово было взорваться. Его сознание постепенно затуманивалось, и в сердце поднималась ярость.

Внезапно раздался чистый, мелодичный звук флейты, наполненный мягкой духовной силой. Звук обволакивал его со всех сторон, и мягкая духовная сила текла по меридианам, подавляя ярость и возвращая ясность ума.

После трёх дней без сна Цзинь Гуанъяо наконец усмирил первый поток демонической ци. Каждую ночь в полночь звук флейты помогал ему усмирять ци и успокаивать разум.

Второй, третий, четвёртый... Двадцатый.

Цзинь Гуанъяо потратил почти пять месяцев, чтобы полностью усмирить все двадцать потоков демонической ци. В процессе он также обнаружил, что в его даньтяне находится необычная сила, которая что-то сдерживает. Изучив это, он понял, что эта сила подавляет то, что находится внутри. Эта вещь заняла место даньтяня Се Вэньяо, и каждый раз, когда он пытался культивировать, свет поглощал его усилия, укрепляя эту силу. Поэтому, как бы Се Вэньяо ни старался, все его усилия были напрасны.

Через полгода.

Волосы Цзинь Гуанъяо были мокрыми от пота и прилипли к щекам. Его губы слегка приоткрылись, длинные ресницы отбрасывали тени под глазами. Он сидел на кровати, одетый только в тонкую рубашку, грудь слегка открыта, обнажая изящные ключицы и белую кожу. Капли пота стекали по горлу, скользя по маленькому кадыку и исчезая под одеждой. Вокруг него чистая тёмная ци мягко перетекала, словно поток бессмертного.

Ресницы дрогнули, и Цзинь Гуанъяо медленно открыл глаза. В тот момент, когда его глаза открылись, в них вспыхнул яркий свет, который мгновенно исчез, и всё вернулось в норму.

Он выдохнул тяжёлый вздох.

Цзинь Гуанъяо встал с кровати, умылся, и на его лице появилась лёгкая холодность.

Он прекрасно понимал, почему погибла семья Шэнь Цзиня. Они просто узнали то, что не должны были знать. Даже если у них не было намерений предать, сердца людей непредсказуемы, а мёртвые более надёжны. За эти полгода он много думал, многое понял и многое запутал. Он знал, чего хочет, и знал, что его беспокоит.

Когда-то старый глава клана получил необработанный нефрит и разделил его на три части.

Одну он дал Се Вэньяо, другую — Шэнь Цзиню, а третью оставил необработанной и хранил у себя. Шэнь Цзинь видел именно ту, необработанную часть, поэтому и не смог определить подделку. Это означало, что старый глава клана Се был тем, кто подставил Се Вэньяо.

Цзинь Гуанъяо так думал, но, по его мнению, всё могло быть не так просто.

Он провёл всю зиму в задних горах, а затем наступила весна. Цветы в горах расцвели, и весь склон был усыпан яркими красками. Лепестки кружились в воздухе, а Цзинь Гуанъяо стоял под деревом в зелёном одеянии, позволяя лепесткам падать на его плечи. Лёгкий ветерок развеивал его одежду, а волосы откинулись назад, открывая его идеальный профиль. На его лице появилась лёгкая улыбка, словно он был бессмертным, спустившимся на землю и не ведающим мирских забот.

Се Минхуэй, который пришёл позвать его, замер, поражённый.

Услышав звук, Цзинь Гуанъяо обернулся и увидел ошеломлённого Се Минхуэя. На его лице появилась улыбка, на этот раз менее отстранённая и более тёплая.

— Минхуэй.

Се Минхуэй смущённо кашлянул и сказал:

— Дедушка знает, что ты сегодня выходишь из затворничества, и послал меня за тобой. Он хочет поговорить с тобой в главном зале.

Цзинь Гуанъяо слегка удивился, но быстро взял себя в руки и кивнул, следуя за Се Минхуэем.

В главном зале старшие сидели с одной стороны, а старый глава клана восседал на почётном месте.

Цзинь Гуанъяо почтительно поклонился. Прошло полгода, и все присутствующие заметили, что его аура изменилась. Казалось, что тот гениальный юноша, который когда-то сиял, вернулся. Он был гордым, но учтивым, мягким, как нефрит. От него исходила аура того, кто когда-то стоял на Золотой террасе.

После лёгкого удивления старый глава сказал:

— Вэньяо, ты провёл полгода в затворничестве. Что ты понял?

Цзинь Гуанъяо усмехнулся и ответил:

— Делай, что должно.

На мгновение в зале воцарилась тишина.

Делай, что должно, и будь что будет. Но он понял только первую часть.

Старый глава прищурился и сказал:

— Хорошо.

Остальные старшие молчали, их взгляды на Се Вэньяо были сложными.

Старый глава сделал глоток остывшего чая и сказал:

— Вэньяо, на этот раз клан Се отправляет несколько учеников в Облачные Глубины. Ты тоже поедешь.

Цзинь Гуанъяо был поражён:

— Что? Облачные Глубины?

Почему-то он чувствовал внутреннее сопротивление этому месту, словно знал, что там будет скучно, и инстинктивно хотел отказаться.

Он уже собирался заговорить, но старый глава опередил его:

— Я уже отправил список клану Лань, и Лань Сичэнь согласился.

Цзинь Гуанъяо был шокирован:

— Лань Сичэнь согласился?! Но это же не по правилам.

Все присутствующие удивились, услышав, как он называет Лань Сичэня по имени.

Старый глава улыбнулся:

— Нет ничего против правил. Если Лань Сичэнь согласился, значит, он принял это. Не беспокойся, отправляйся через семь дней.

Увидев решимость на лице старого главы, Цзинь Гуанъяо понял, что возражать бесполезно, и просто кивнул.

<http://bllate.org/book/15301/1350161>